

ПОЛИТИЯ

А.В.Семенов, Е.С.Попкова
РЕАКЦИЯ ВЛАСТИ
НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ
В РОССИИ
НА ПРИМЕРЕ КАМПАНИИ АЛЕКСЕЯ НАВАЛЬНОГО
2017–2018 годов¹

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 18-311-00195 «Факторы коллективной мобилизации в России: кросс-региональный анализ»).

Андрей Владимирович Семенов — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований, доцент кафедры политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета. Для связи с автором: andreysemenov@comparativestudies.ru.

Елизавета Сергеевна Попкова — студент-бакалавр историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета. Для связи с автором: popkova.elizaveta199@gmail.com.

Аннотация. Несмотря на существенное внимание, которое уделяется в политической науке проблемам репрессий и государственного принуждения, общей теории, способной предсказать использование тех или иных видов принуждения в ситуации массовых протестов, пока нет. «Закон ответного принуждения» и теория «внутреннего демократического мира» недостаточны для объяснения вариаций в масштабе и содержании мер принуждения в режимах различного типа. Стремясь внести свой вклад в заполнение этой лакуны, А.Семенов и Е.Попкова обращаются к анализу реакции региональных властей на политическую мобилизацию в России и паттернов взаимодействия власти и протестующих на материалах президентской кампании Алексея Навального 2017–2018 гг. Эмпирической базой исследования выступают данные по протестным выступлениям в 160 российских городах.

Проведенное авторами исследование подтверждает принадлежность России к гибридным режимам, обычно предпочитающим силовому принуждению средства информационного контроля. Вместе с тем оно показывает, что даже в условиях централизации выбор стратегии реагирования на массовую мобилизацию зависит не только от структурных факторов, но и от установок агентов власти, причем вопрос о конкретной комбинации принудительных мер решается не на федеральном, а на нижестоящих уровнях. Более того, после каждой волны мобилизации эта стратегия уточняется с учетом

меняющихся условий. Вместо поиска некоей единственно верной стратегии в рамках общего равновесия власть и активисты постоянно тестируют границы возможного, а само равновесие в большинстве случаев носит временный характер.

Ключевые слова: мобилизация, принуждение, коллективные действия, репрессии

Лето 2019 г. выдалось политически жарким: в Архангельской области почти год продолжался протест против строительства мусорного полигона в районе станции Шиес; в Екатеринбурге противостояние между властью и защитниками сквера у театра Драмы перешло в стадию переговоров; а Москва пережила несколько волн мобилизации — против ареста журналиста издания «Медуза» Ивана Голунова, затем против недопуска оппозиционных кандидатов на выборы в Московскую городскую думу и последовавшего за первыми протестными акциями силового подавления протестующих. Во всех этих случаях реакция власти напоминала качели: применение насилия сопровождалось сигналами о возможности компромисса, а временами даже уступками протестующим (как в деле Голунова и в ситуации с застройкой сквера в центре Екатеринбурга). И хотя акции протеста в Москве отличались беспрецедентными по масштабу задержаниями (с 14 июля по 31 августа было задержано около 2700 человек²), на 19 человек были заведены уголовные дела, а силовики регулярно применяли обыски и другие способы давления на активистов, исход противостояния оказался далек как от оптимистических, так и от пессимистических прогнозов. Давление на активистов (особенно из числа сторонников Алексея Навального) продолжилось, но часть обвинений в рамках «Московского дела» была снята, и осенние акции прошли без инцидентов.

² Бейлинсон и др. 2019.

«Смешанная» реакция власти на недавние случаи мобилизации не вписывается в представление о том, что российский политический режим в целом становится все более репрессивным³. Безусловно, после событий мая 2012 г. можно говорить о серьезном ужесточении регулирования политической жизни и повышении роли силовиков в политических процессах. В то же время протестные кампании 2012—2019 гг. указывают на то, что с точки зрения выбора стратегии подавления режим отнюдь не монолитен.

³ Rogov 2018.

В настоящей статье мы проанализируем вариации в реакции региональных властей на политическую мобилизацию и попытаемся дать предварительное объяснение паттернам взаимодействия власти и активистов на материалах президентской кампании Навального 2017—2018 гг.

Публичная фаза кампании началась с антикоррупционных митингов 26 марта 2017 г., численность которых оказалась неожиданно высокой, и закончилась выступлениями в рамках «забастовки избирателей» в январе-марте 2018 г. Региональные власти реагировали на

протесты по-разному, комбинируя доступные средства принуждения; вариации в наборе задействованных средств позволяют отследить наиболее частые комбинации и их модификацию. Как варьировала реакция власти на эту кампанию и какие формы реакции преобладали? Каким был общий уровень принуждения и в каких регионах реакция носила самый выраженный и последовательный характер? Однако прежде чем приступить к изложению и обсуждению результатов разведочного анализа, дающего ответы на эти вопросы, представляется целесообразным вкратце остановиться на существующих теоретических подходах к проблеме реакции власти на протестные акции и рассмотреть эволюцию инструментов и практик силового принуждения в современной России.

**Реакция власти
на политическую
мобилизацию
в демократиях
и автократиях**

Реакция агентов государственной власти на коллективные протестные действия достаточно активно изучается в социальных науках, однако общей теории, которая бы объясняла ее направление, форму и размах, пока нет⁴. Более того, для обозначения такой реакции используются разные термины, включая «репрессии» (repressions), «принуждение» (coercion) и «давление» (pressure), значение которых пересекается лишь частично. Отсутствует и единство в интерпретации этих терминов. Так, в классической работе Чарльза Тилли репрессии определяются через издержки коллективных действий, которые несет соответствующая сторона⁵. Стивен По и Нил Тейт понимают под репрессиями нарушения базовых прав человека⁶. Кристиан Давенпорт трактует их как один из видов принуждения, предполагающий применение или угрозу применения физических санкций в отношении индивидов и организаций для подавления активности и/или убеждений, представляющих угрозу для власти или отдельных ее институтов⁷. Эмили Риттер характеризует репрессии как «принудительные меры, предпринимаемые политическими властями для подавления стремления или способности граждан влиять на политические результаты в пределах государственной юрисдикции»⁸. В совместной с Кортни Конрад работе она определяет репрессии как «любые ограничивающие или принудительные действия властей (или угрозу их применения) в целях контроля или предотвращения вызовов, способных изменить status quo в политике или распределении власти»⁹.

Как видно из приведенных определений, при всех различиях в интерпретации репрессий они концептуально связаны с принуждением — использованием государственной властью имеющихся у нее инструментов для ограничения спектра возможных действий граждан. Принуждение (например, задержание преступников и содержание их в местах лишения свободы) необходимо для поддержания общественного порядка, но при наличии у него политической мотивации, что проявляется в подавлении альтернативных политических установок, борьбе с оппозицией, устрашении населения с целью предотвращения его политической активности, оно трансформируется в репрессии. Наличие политической мотивации играет центральную роль — другие параметры

⁴ Ritter 2014.

⁵ Tilly 1978: 55.

⁶ Poe and Tate 1994.

⁷ Davenport 2007: 2.

⁸ Ritter 2014: 145.

⁹ Ritter and Conrad 2016: 86.

действий властей (массовость, неизбирательность, насильственный характер) являются скорее сопутствующими. То есть, по формулировке Риттер, «репрессии могут быть насильственными и ненасильственными, законными и незаконными, широкими и точечными»¹⁰.

¹⁰ Ritter 2014: 145.

В закрытых (консолидированных) автократиях возможности власти по применению репрессий ограничены лишь ресурсами и лояльностью репрессивного аппарата. Особенно предрасположены к масштабным репрессиям, затрагивающим целые группы, выделяемые по расовому, этническому, языковому, конфессиональному, классовому и т.д. признаку, идеологические диктатуры. Вместе с тем закрытые автократии не статичны — репрессии в них носят волновой характер и определяются в том числе соотношением сил внутри элит¹¹. В свою очередь современные авторитарные режимы массовым репрессиям предпочитают дискредитацию своих политических оппонентов, фабрикацию против них уголовных дел и принуждение к эмиграции, что отражает смешанную природу подавляющего большинства из них¹². Вследствие низкого уровня институциональной легитимности и ограничений на применение открытого насилия смешанные режимы вынуждены постоянно модифицировать свою тактику в отношении протестующих¹³.

¹¹ Gershenson and Grossman 2001; Gregory et al. 2013.

¹² Guriev and Treisman 2019.

¹³ Robertson 2011.

¹⁴ Schedler 2013.

Фундаментальная проблема авторитарных режимов заключается в информационной неопределенности¹⁴: автократ не обладает полной информацией о мобилизационном потенциале населения, а граждане не знают точно, какие меры последуют в ответ на их выступления. Идеальной для режима стратегией является создание таких условий, при которых мобилизация минимальна либо ее вообще не происходит, хотя в отсутствие достоверной информации о подлинных предпочтениях граждан и их готовности присоединиться к протестам этого довольно сложно добиться. В связи с этим широкое распространение в авторитарных режимах, особенно смешанных, получают превентивные меры и сдерживание, например слежка за активистами и повышение издержек от участия в коллективных действиях (штрафы, увольнение с работы, отчисление из университетов). Если же мобилизация уже произошла, основной их задачей становится подавление возмущения без чрезмерного насилия, так как открытые репрессии требуют большей легитимации, а значит — большего числа сторонников подобных мер¹⁵. Прекрасной иллюстрацией действий смешанного режима в подобной ситуации служит современная Россия.

¹⁵ Robertson 2011.

Эволюция принуждения в России в 2000–2010-х годах

Ключевая особенность российского случая — сочетание унаследованного от СССР аппарата принуждения¹⁶, пользующегося доверием населения¹⁷, с памятью о репрессивном прошлом и негативных последствиях советских политических репрессий. Частично потерявший свое влияние на общественно-политические процессы в ходе реформ 1990-х годов силовой блок достаточно быстро восстановил его в первые два срока Владимира Путина. Вместе с эволюцией режима менялось и его отношение к политической мобилизации — на

¹⁶ Taylor 2011.

¹⁷ Общественное мнение 2018: 89.

смену относительно мягкому регулированию коллективных действий 1990-х — начала 2000-х годов пришло «лицензирование» оппозиции и гражданского общества с дифференцированным допуском к общественным ресурсам лояльных и нелояльных участников политического процесса¹⁸. Режим последовательно увеличивал издержки коллективных действий: было существенно затруднено проведение забастовок¹⁹, ограничена деятельность НКО²⁰, а политическая оппозиция либо кооптирована²¹, либо маргинализована²². В 2007 г. против участников «маршей несогласных», проводимых Объединенным гражданским фронтом Гарри Каспарова и «Другой Россией» Эдуарда Лимонова, был использован широкий набор карательных мер — от задержаний и изъятия листовок до допросов организаторов, отчислений из университетов и призыва в армию. За 10 лет, отделяющих «марши несогласных» от кампании Навального, спектр этих мер и масштаб их применения заметно увеличились.

¹⁸ Robertson 2011.

¹⁹ Бизюков 2019.

²⁰ Семенов и Бедерсон 2018.

²¹ Reuter and Robertson 2014.

²² Gel'man 2015.

Кампания 2011—2012 гг. «За честные выборы!» окончательно консолидировала позицию режима в отношении коллективных действий. «Болотное дело», заведенное после марша 6 мая 2012 г. в Москве, стало первым крупным преследованием рядовых участников митингов. Как отмечает Владимир Гельман, предъявленные фигурантам этого дела обвинения в массовых беспорядках и нападении на полицейских способствовали легитимации «закручивания гаек», что впоследствии позволило значительно расширить законодательную базу репрессий²³. Резко выросли штрафы за участие в несогласованных акциях, а в 2014 г., после серии протестных выступлений в Москве и Санкт-Петербурге, были введены дополнительные санкции за повторное нарушение порядка проведения публичных мероприятий, включающие в себя не только административный арест и многотысячные штрафы, но уголовное преследование «злостных» нарушителей.

²³ Ibidem.

По данным «ОВД-Инфо», с 2009 г. количество дел по статьям 20.2 (нарушение порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования), 20.2.2 (организация массового одновременного пребывания и/или передвижения граждан в общественных местах), 20.3 (пропаганда либо публичная демонстрация запрещенной атрибутики или символики) и 20.29 (производство и распространение экстремистских материалов) Административного кодекса (КоАП) постоянно увеличивалось. Росло и число обвинительных заключений по данным статьям. Так, в первом полугодии 2014 г. доля таких заключений колебалась в диапазоне от 70 (статья 20.2) до 80 (статья 20.29) процентов всех рассмотренных дел. При этом ввиду особенностей административного судопроизводства, а также использования максимально общих формулировок, позволяющих трактовать их удобным для властей образом, при использовании данных статей бывает крайне сложно доказать наличие в деле политических мотивов и неправомерность преследования²⁴. По мнению Кирилла Рогова, размытость формулировок и широкая трактовка действующего законодательства носят демонстративный характер,

²⁴ Шедов и др. 2019

²⁵ Rogov 2018.

сигнализируя гражданам, что издержки от участия в протестных акциях могут быть весьма высоки²⁵. Помимо упомянутых статей нередко применяются статьи 19.3 (неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции) и 20.1 (мелкое хулиганство) КоАП. Сами по себе они носят «нейтральный» характер, однако в контексте конкретного применения могут приобретать политическую окраску.

Для оказания принудительного воздействия стали чаще задействоваться и «антиэкстремистские» статьи Уголовного кодекса (280, 282, 282.1 и 282.2). Впрочем, большинство дел, заведенных по этим статьям, касаются исламских организаций, которые считаются носителями террористической угрозы даже при отсутствии каких-либо доказательств незаконных действий или намерений. В отношении же участников протеста используются статьи 212 (массовые беспорядки) и 318 (применение насилия к представителю власти), а также введенная в 2014 г. статья 212.1 (неоднократное нарушение порядка проведения публичных мероприятий). Первыми обвиняемыми по статье 212.1 были гражданские активисты Владимир Ионов, Марк Гальперин и Ильдар Дадин. Но, несмотря на общее увеличение количества политически мотивированных уголовных дел после 2011 г., оно не идет ни в какое сравнение с числом дел административных²⁶.

²⁶ Дурново 2015, Смирнова 2015.

Усиление государственного контроля над официальной публичной сферой привело к тому, что координация массовых кампаний «мигрировала» в социальные сети. Реакцией стало законодательное оформление мер, направленных на повышение издержек от распространения информации об уличных акциях. С 2012 г. административно наказуемыми являются публичные призывы к «одновременному массовому пребыванию/передвижению граждан в общественных местах», если это повлекло за собой нарушение общественного порядка, нанесло вред зеленым насаждениям или помешало движению транспорта и пешеходов. Кроме того, если раньше проводить агитацию перед публичным мероприятием можно было сразу после подачи уведомления о его проведении, то теперь — лишь после его согласования. Наконец, в 2014 г. вступил в силу так называемый «закон Лугового» о внесудебной блокировке сайтов с «экстремистской информацией», к каковой оказались отнесены, в частности, призывы к участию в «любых мероприятиях, проводимых с нарушениями установленного порядка»²⁷.

²⁷ Шедов и др. 2019

Наряду с законодательной базой репрессивной политики расширялась и ее организационная составляющая. Так, в 2016 г. к уже существующим силовым органам, отвечающим за работу с политическими активистами и протестующими, — Главному управлению по противодействию экстремизму МВД («Центру Э»), Федеральной службе безопасности, Следственному комитету и Генеральной прокуратуре — добавилась Федеральная служба войск национальной гвардии (Росгвардия), в функции которой входит в том числе охрана общественного порядка на массовых мероприятиях. Вместе с уголовными преследованиями независимых политиков и активистов (некоторым из них в итоге пришлось покинуть

²⁸ *Gel'man 2015.* страну) совокупность данных мер формировала «политику страха»²⁸. Таким образом, накануне президентской кампании Алексея Навального была создана законодательная и организационная основа для широкого использования силового принуждения в отношении протестующих.

**Реакция власти
на кампанию
Алексея
Навального
2017–2018 гг.**

Президентская кампания Навального была официально объявлена в декабре 2016 г. К этому моменту оппозиционер уже накопил значительный опыт организации политических акций, в том числе в плане противодействия силовому давлению: созданный им в 2011 г. Фонд борьбы с коррупцией (ФБК) регулярно оказывал юридическую и финансовую помощь активистам и участникам протестов, в частности в ходе московской кампании 2013 г. и региональной кампании 2015 г.

²⁹ *Одобрение 2019.* Толчком к первой волне публичных выступлений, прошедших 26 марта 2017 г. под антикоррупционными лозунгами, послужило расследование ФБК «Он вам не Димон!», публикация которого сразу же отразилась на рейтинге одобрения Дмитрия Медведева, упавшем на 10 процентных пунктов (с 52% в феврале до 42% в марте)²⁹. По данным «ОВД-Инфо», акциями протеста были охвачены 97 городов России; по разным оценкам в них приняли участие от 36 до 88 тыс. человек, из которых не менее 1666 были задержаны³⁰. Ввиду игнорирования властью требований протестующих (важнейшим из которых была отставка Медведева) антикоррупционные протесты продолжились: следующая серия митингов состоялась 12 июня, собрав от 50 до 98 тыс. человек более чем в 150 городах. На этот раз полиция задержала как минимум 1769 человек³¹. Параллельно развивалась сеть региональных штабов Навального³².

³⁰ *Протестная карта 2017.*
³¹ *12 июня 2017.*
³² *Dollbaum et al. 2018.*
³³ *Волков 2017.* Осенью 2017 г. Навальный попытался совершить тур по российским городам, однако в октябре был задержан, и дальнейшие акции проходили уже без его участия. По свидетельству руководителя кампании Леонида Волкова, из 1276 заявок на проведение митингов, поданных сторонниками Навального, были согласованы лишь четыре³³. Продолжилось давление на региональные штабы и активистов: обыски, изъятия материалов и другие меры принуждения начались еще летом.

В последних числах декабря ЦИК объявила об отказе Навальному в регистрации в качестве кандидата на президентских выборах, и с начала следующего года его избирательная кампания трансформировалась в «забастовку избирателей». 28 января 2018 г. более чем в 150 городах России прошли акции протеста, участники которых призывали к бойкоту президентских выборов и требовали изменения избирательного законодательства. За день до этого полиция провела обыски по меньшей мере в трети региональных штабов, а непосредственно 28 января заблокировала работу московского офиса ФБК, задержав семь его сотрудников³⁴. Всего по стране было задержано около 350 человек³⁵.

³⁴ *Навстречу 28 января 2018.*
³⁵ *Забастовка 2018.* Для выявления паттернов и вариаций в реакции региональных властей на кампанию Навального мы собрали сведения по трем упомянутым

выше сериям протестных выступлений (N=412). Фиксировались меры превентивного давления, действия власти во время самих акций и после них. Суммарные данные по этим видам реакции и распределению мер внутри каждой из них приведены в *табл. 1*.

Таблица 1 Меры принуждения в ходе акций протеста 2017–2018 гг.

		Март 2017	Июнь 2017	Январь 2018
Превентивные меры	Отказ в согласовании акции	75	44	52
	Беседы с организаторами и потенциальными участниками	8	10	4
	Обыски в штабах / изъятие печатной продукции	0	1	32
	Задержания организаторов / активистов до начала акции	8	4	31
	Всего	91	59	119
Действия во время акции протеста	Задержания протестующих	46	27	29
	Применение насилия при задержании	4	1	3
	Ненасильственные действия со стороны аффилированных структур	13	1	3
	Насильственные действия со стороны аффилированных структур	3	5	0
	Всего	67	33	35
Санкции	Обыски в штабах / изъятие печатной продукции	0	0	4
	Задержания организаторов / активистов после проведения акции	13	3	6
	Административные дела	45	20	24
	Уголовные дела	3	2	0
	Всего	61	25	34
Отсутствие реакции		7	89	62
Всего наблюдений		93	159	160

Как видно из таблицы, наибольшую реакцию со стороны властей вызвали акции 26 марта: лишь в семи случаях из 93 к протестующим не применялось никаких принудительных мер. На июньский протест реакция зафиксирована лишь в 44% случаев, на январский — в 61%.

Главным способом давления на протестующих на *акциях 26 марта* был отказ в согласовании публичных мероприятий: лишь в 18 городах из 93 местные власти согласовали проведение митингов и пикетов (в некоторых городах митинги проходили в гайд-парках, где не требуется согласование). Примерно в половине городов акции протеста сопровождались задержаниями и административными взысканиями, еще в 14% задержания (за которыми тоже, как правило, следовали административные взыскания) начались уже после их завершения. Практиковались также «предупредительные беседы» и задержания организаторов и потенциальных участников накануне митингов (9% случаев), равно как и привлечение аффилированных структур для блокирования пространства проведения митингов и запугивания протестующих (17% случаев).

Таким образом, в случае мартовских выступлений мы наблюдаем активное вмешательство со стороны власти, которая задействовала для подавления протестной активности широкий набор инструментов — от отказа в согласовании акции и последующих задержаний с заведением административных дел до использования «титишек». При этом число акций, на которые власть никак не отреагировала, было крайне мало. Однако основным способом подавления были превентивные меры, а не открытое насилие.

Во время *второй волны выступлений (12 июня)* реакция власти отсутствовала в 89 случаях из 159. То есть количество согласованных акций по сравнению с первой волной резко выросло. Частично это объясняется тем, что протест охватил города, которые ранее не сталкивались с массовой мобилизацией и не имели аппарата для «работы» с ней: в 44 городах из числа согласовавших акции в июне в марте 2017 г. таковых не проводилось. Тем не менее в 16 городах с «поздним стартом» власти последовательно — в июне и январе — отказывали сторонникам Навального в согласовании публичных мероприятий. По-прежнему самыми популярными были превентивные меры (отказы в согласовании и «предупредительные беседы»). Проведение несанкционированных акций в 36% случаев сопровождалось задержаниями, за которыми, в свою очередь, более чем в половине случаев (15 из 27) следовали административные дела. Вместе с тем власть стала реже прибегать к помощи аффилированных структур, хотя в пяти городах имели место насильственные действия с их стороны. Так, в Махачкале неизвестные лица пытались вытолкнуть митингующих с площади и напали на снимавших их журналистов, а во Владивостоке казаки облили одного из участников акции зеленкой и отобрали у другого российский флаг³⁶.

³⁶ *Акции 2017.*

Акции 28 января 2018 г. вызвали реакцию в 98 городах, в 52 местные власти отказали организаторам в согласовании мероприятия. Значимым инструментом превентивного принуждения стали обыски в региональных штабах Навального, прошедшие как минимум в 32 городах, а также задержания активистов до начала акции. В качестве превентивной меры можно рассматривать и решение Мещанского суда Москвы от 22 января о ликвидации фонда «Пятое время года», через который осуществлялось финансирование кампании Навального. В то же время в рамках этой волны не

зафиксировано ни применение насилия со стороны провластных организаций, ни заведение по ее итогам уголовных дел. В целом, реакция власти на эту серию выступлений ближе к ее реакции на акции 12 июня (в плане согласований коэффициент корреляции между ними составляет 0,65, в плане задержаний — 0,52 при $p\text{-value} < 0,001$), чем на акции 26 марта.

Паттерны и вариации

Реакция властей на кампанию Навального 2017—2018 гг. в очередной раз говорит о гибридном характере российского политического режима, что проявилось как в вариации стратегий ответа, так и в комбинациях принудительных мер.

С точки зрения стратегий ответа, то есть выбора между активной реакцией и отсутствием таковой, города распадаются на две группы — те, где мобилизация произошла уже в марте, и те, что присоединились позже (93 и 67 соответственно). Первые реагировали активно, прежде всего запретами на проведение публичных мероприятий, которые не были согласованы почти в половине из них. Вторые препятствовали проведению митингов и пикетов лишь в 20% случаев. Та же закономерность прослеживается и применительно к разнообразию и интенсивности мер принуждения. По широте и суммарному количеству использованных в ходе кампании принудительных мер значения выше медианного имеют 45 из 93 городов первой волны; к этой группе относятся и все четыре абсолютных лидера по этому показателю (Владивосток, Москва, Санкт-Петербург и Тула). Высокую репрессивность демонстрируют и некоторые города второй волны (Ковров и Волгодонск), однако в подавляющем их большинстве (48 из 67) она ниже медианного уровня. В целом с увеличением числа охваченных протестами городов отсутствие реакции или ее относительная мягкость стали преобладающей формой ответа властей на мобилизацию (см. *табл. 2*).

Таблица 2 Ответ властей на протестные выступления в городах первой и второй волны

	<i>Низкий уровень репрессивности</i>	<i>Высокий уровень репрессивности</i>	<i>Последовательные отказы в согласовании</i>
Города первой волны	47 (51%)	45 (49%)	33 (35%)
Города второй волны	48 (71%)	19 (29%)	16 (24%)
Всего	95 (59%)	64 (41%)	49 (31%)

Очевидные различия между волнами частично обусловлены тем, что первыми мобилизовались крупные города и региональные столицы, где изначальный потенциал как оппозиции, так и аппарата подавления

был выше, чем в относительно небольших по размеру городах, включившихся в кампанию позднее. Но подобное объяснение не является исчерпывающим, тем более что власти ряда близких по структурным характеристикам (статусу, размерам, удаленности от центра и т.д.) городов вели себя по отношению к протестам принципиально по-разному. Так, в Сургуте события 12 июня и 28 января вообще не вызвали реакции со стороны властей, тогда как власти расположенного рядом Нижневартовска последовательно не согласовывали публичные мероприятия и задействовали широкий спектр репрессивных мер.

В свете «гибридности» российского политического режима вариации в масштабах и инструментах принуждения вполне ожидаемы, однако их широта указывает на существенную степень агентности субнациональных властей. И хотя в некоторых случаях можно говорить о координации (в первую очередь в вопросах согласования акций протеста), собранные данные демонстрируют, что конкретная комбинация мер принуждения находится в дискреции не федерального, а нижестоящих уровней власти. Вместе с тем в отношении некоторых мер (например, превентивных обысков) можно предположить наличие механизма диффузии.

В целом анализ реакции российских властей на кампанию Навального свидетельствует о том, что основной набор мер принуждения был выработан еще до событий марта 2017 г. Как минимум со времени кампании «За честные выборы» 2011—2012 гг. режим последовательно повышал издержки коллективных действий. Участие в несогласованных акциях увеличивало риск задержания и административного преследования, а в их организации — преследования уголовного. Казалось бы, данная логика универсальна, и связка «отказ в согласовании — задержание — административное/уголовное дело» должна работать независимо от контекста, но на практике в событиях 2017—2018 гг. мы наблюдали значительный разброс в выборе мер принуждения.

Кросс-темпоральные вариации указывают также на адаптацию стратегий принуждения к сложившейся ситуации. В условиях неожиданной массовости первой волны мобилизации региональные власти попытались использовать почти весь доступный им арсенал принуждения. Но поскольку отказы в согласовании акций нередко имели обратный эффект, во время следующей волны доля несогласований резко упала. Толчком к адаптации стала и выкристаллизовавшаяся организационная структура движения Навального: накануне январской серии выступлений широкое распространение получили обыски и давление на активистов.

* * *

Реакция российских властей на кампанию 2017—2018 гг. подтверждает, что современные автократии предпочитают силовому принуждению средства информационного контроля³⁷. Вместе с тем эта кампания показывает, что даже в условиях централизации выбор стратегии зависит не только от структурных факторов, но и от установок конкретных агентов власти; более того, после каждой волны мобилизации

³⁷ Guriev and Treisman 2019.

эта стратегия уточняется. Власть и активисты тестируют границы дозволенного как на самих публичных акциях, так и за их пределами, и равновесие в большинстве случаев носит временный характер. События лета 2019 г. в Екатеринбурге и Москве хорошо иллюстрируют эту логику интерактивности, напоминая, что баланс сил между обществом и властью редко является статичным.

Библиография

12 июня 2017: карта событий. (2017) URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/13/skolko-lyudey-protestovali-12-iyunya-i-skolko-zaderzhali> (проверено 12.11.2019).

Акции 12 июня. (2017) URL: <https://zona.media/chronicle/12-june> (проверено 12.11.2019).

Бейлинсон Д., Е.Боровикова, Н.Смирнова, Г.Охотин, Д.Шедов и М.Шубин. (2019) *Московский эксперимент: Преследования участников акций в поддержку кандидатов в Мосгордуму.* URL: <https://ovdinfo.org/reports/mgd-2019> (проверено 12.11.2019).

Бизюков П.В. (2019) «Трудовые протесты в России: территориальная и отраслевая локализация в 2008—2016 гг.» // *Мир России: Социология. Этнология*, т. 28, № 1: 75—100.

Васильчук Т. (2018) «Навстречу 28 января: В тридцати региональных штабах Навального прошли обыски» // *Новая газета*, 26.01. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/01/26/75282-navstrelu-28-yanvarya> (проверено 12.11.2019).

Волков Л. (2017) *Пригласи Навального.* URL: <https://www.leonidvolkov.ru/p/244/> (проверено 12.11.2019).

Дурново Г. (2015) *Политические репрессии в России в 2011—2014 годах: уголовные преследования.* URL: <https://reports.ovdinfo.org/2014/cr-report/> (проверено 12.11.2019).

«„Забастовка избирателей“: по стране задержаны более 350 человек, в их числе — Навальный». (2018) // *Новая газета*, 28.01. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/01/28/75298-zabastovka-izbirateley-28-yanvarya-online> (проверено 12.11.2019).

Общественное мнение — 2018: Ежегодник. (2019) М.: Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/03/OM-2018.pdf> (проверено 12.11.2019).

Одобрение органов власти. (2019) URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (проверено 12.11.2019).

Протестная карта России. Сколько людей вышли на улицы 26 марта и что с ними стало: исследование «Медузы» и «ОВД-Инфо». (2017) URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/07/protestnaya-karta-rossii> (проверено 12.11.2019).

Семенов А.В. и В.Д.Бедерсон. (2017) «Организационные реакции российских НКО на законодательные изменения 2012 г.» // *Экономическая социология*, т. 18, № 2: 11—40. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/03/31/1168535199/ecsoc_t18_n2.pdf (проверено 12.11.2019).

Смирнова Н. (2015) *Политические репрессии в России в 2011–2014 годах: административные преследования*. URL: <https://reports.ovdinfo.org/2014/adm-report/> (проверено 12.11.2019).

Шедов Д., Н.Смирнова и Т.Глушкова. (2019) *Ограничения свободы мирных собраний в цифровую эпоху: Законодательство и практика правоприменения в России*. URL: <https://ovdinfo.org/reports/freedom-of-assembly-in-the-digital-age> (проверено 12.11.2019).

Davenport C. (2007) «State Repression and Political Order» // *Annual Review of Political Science*, vol. 10: 1–23.

Dollbaum J.M., A.Semenov, and E.Sirotkina. (2018) «A Top-down Movement with Grass-roots Effects? Alexei Navalny's Electoral Campaign» // *Social Movement Studies*, vol. 17, no. 5: 618–625.

Gel'man V. (2015) «The Politics of Fear: How the Russian Regime Confronts Its Opponents» // *Russian Politics & Law*, vol. 53, no. 5–6: 6–26.

Gershenson D. and H.I.Grossman. (2001) «Cooption and Repression in the Soviet Union» // *Economics & Politics*, vol. 13, no. 1: 31–47.

Gregory P.R., P.J.H.Schröder, and K.Sonin. (2011) «Rational Dictators and the Killing of Innocents: Data from Stalin's Archives» // *Journal of Comparative Economics*, vol. 39, no. 1: 34–42.

Guriev S. and D.Treisman. (2019) «Informational Autocrats» // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no. 4: 100–127.

Poe S.C. and N.Tate. (1994) «Repression of Human Rights to Personal Integrity in the 1980s: A Global Analysis» // *American Political Science Review*, vol. 88, no. 4: 853–872.

Reuter O.J. and G.B.Robertson. (2014) «Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes» // *The Journal of Politics*, vol. 77, no. 1: 235–248.

Ritter E.H. (2014) «Policy Disputes, Political Survival, and the Onset and Severity of State Repression» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 58, no. 1: 143–168.

Ritter E.H. and C.R.Conrad. (2016) «Preventing and Responding to Dissent: The Observational Challenges of Explaining Strategic Repression» // *American Political Science Review*, vol. 110, no. 1: 85–99.

Robertson G. (2011) *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rogov K. (2018) «The Art of Coercion: Repressions and Repressiveness in Putin's Russia» // *Russian Politics*, vol. 3, no. 2: 151–174.

Schedler A. (2013) *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*. Oxford: Oxford University Press.

Taylor B. (2011) *State Building in Putin's Russia: Policing and Coercion after Communism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tilly C. (1978) *From Mobilization to Revolution*. Michigan: Addison-Wesley.

A.V.Semenov, E.S.Popkova
**AUTHORITIES' RESPONSE
 TO POLITICAL MOBILIZATION IN RUSSIA
 ON THE EXAMPLE OF ALEXEI NAVALNY'S
 2017–2018 CAMPAIGN**

Andrei V. Semenov — Ph.D. in Political Science; Senior Researcher at the Center for Comparative Historical and Political Studies, Associate Professor at the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science, Perm State National Research University. Email: andrejsemenov@comparativestudies.ru.

Elizaveta S. Popkova — BA Student in History and Political Science, Perm State National Research University. Email: popkova.elizaveta199@gmail.com.

Abstract. Despite the significant attention paid in Political Science to the problems of repression and state coercion there is still no general theory that would predict what types of coercion are used during mass protests. The “law of coercive responsiveness” and the theory of the “internal democratic peace” are insufficient to explain variations in the scale and content of coercive measures across different political regimes. To fill this gap, A.Semenov and E.Popkova turn to the analysis of the reaction of regional authorities to political mobilization in Russia and patterns of interaction between authorities and protesters using the evidence from Alexei Navalny’s 2017–2018 presidential campaign. For the empirical analysis the study uses data on protests in 160 Russian cities.

A study conducted by the authors confirms that Russia can be classified as a hybrid regime that usually gives pride of place to the informational control rather than coercive means. At the same time, the authors show that even under centralized conditions, the choice of a strategy for responding to mass mobilization depends not only on structural factors, but also on the attitudes of power holders. In particular, which specific combination of coercive measures to use is decided at the lower governmental levels rather than the federal one. Moreover, after each wave of mobilization, this strategy is modified to fit the changing conditions. The authorities and activists are constantly testing the limits of what is possible rather than searching for the only true strategy within the framework of a general equilibrium, and the equilibrium itself in most cases is temporary.

Keywords: mobilization, coercion, collective actions, repression

References

12 ijunja 2017: karta sobytij [June 12, 2017: Map of Events]. (2017) URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/13/skolko-lyudey-protestovali-12-iyunya-i-skolko-zaderzhali> (accessed on 12.11.2019). (In Russ.)

Aktsii 12 ijunja [Actions on June 12]. (2017) URL: <https://zona.media/chronicle/12-june> (accessed on 12.11.2019). (In Russ.)

Beilinson D., E.Borovikova, N.Smirnova, G.Ohotin, D.Shedov, and M.Shubin. (2019) *Moskovskij eksperiment: Presledovanija uchastnikov aktsii v podderzhku kandidatov v Mosgordumu* [Moscow Experiment: Persecution of Protesters Supporting Candidates to Moscow City Duma]. URL: <https://ovdinfo.org/reports/mgd-2019> (accessed on 12.11.2019). (In Russ.)

Bizyukov P. (2019) “Trudovye protesty v Rossii: territorial'naja i otraslevaja lokalizatsija v 2008—2012 gg.” [Labor Protests in Russia: Territorial and Sector Localization in 2008—2016] // *Mir Rossii: Sotsiologija. Etnologija* [Universe of Russia: Sociology. Ethnology], vol. 28, no. 1: 75—100. (In Russ.)

Davenport C. (2007) “State Repression and Political Order” // *Annual Review of Political Science*, vol. 10: 1—23.

Dollbaum J.M., A.Semenov, and E.Sirotkina. (2018) “A Top-down Movement with Grass-roots Effects? Alexei Navalny's Electoral Campaign” // *Social Movement Studies*, vol. 17, no. 5: 618—625.

Durnovo G. (2015) *Politicheskie repressii v Rossii v 2011—2014 godakh: ugovolnye presledovanija* [Political Repressions in Russia in 2011—2014: Criminal Prosecution]. URL: <https://reports.ovdinfo.org/2014/cr-report/> (accessed on 12.11.2019). (In Russ.)

Gel'man V. (2015) “The Politics of Fear: How the Russian Regime Confronts Its Opponents” // *Russian Politics & Law*, vol. 53, no. 5—6: 6—26.

Gershenson D. and H.I.Grossman. (2001) “Cooption and Repression in the Soviet Union” // *Economics & Politics*, vol. 13, no. 1: 31—47.

Gregory P.R., P.J.H.Schröder, and K.Sonin. (2011) “Rational Dictators and the Killing of Innocents: Data from Stalin's Archives” // *Journal of Comparative Economics*, vol. 39, no. 1: 34—42.

Guriev S. and D.Treisman. (2019) “Informational Autocrats” // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no. 4: 100—127.

Obshchestvennoe mnenie — 2018: Ezhegodnik [Public Opinion 2018: Yearbook]. (2019) Moscow: Levada-tsentr. URL: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2019/03/OM-2018.pdf> (accessed on 12.11.2019). (In Russ.)

Odobrenie organov vlasti [Public Authorities Approval Rating]. (2019) URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (accessed on 12.11.2019). (In Russ.)

Poe S.C. and N.Tate. (1994) “Repression of Human Rights to Personal Integrity in the 1980s: A Global Analysis” // *American Political Science Review*, vol. 88, no. 4: 853—872.

Protestnaja karta Rossii. Skol'ko ljudej vushli na ulitsy 26 marta i chto s nimi stalo: issledovanie “Meduzy” i “OVD-Info” [Protest Map of Russia. How Many People Took to the Streets on March 26 and What Happened to Them: Meduza and OVD-Info Research]. (2017) URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/07/protestnaya-karta-rossii> (accessed on 12.11.2019). (In Russ.)

Reuter O.J. and G.B.Robertson. (2014) “Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes” // *The Journal of Politics*, vol. 77, no. 1: 235—248.

Ritter E.H. (2014) “Policy Disputes, Political Survival, and the Onset and Severity of State Repression” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 58, no. 1: 143–168.

Ritter E.H. and C.R.Conrad. (2016) “Preventing and Responding to Dissent: The Observational Challenges of Explaining Strategic Repression” // *American Political Science Review*, vol. 110, no. 1: 85–99.

Robertson G. (2011) *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rogov K. (2018) “The Art of Coercion: Repressions and Repressiveness in Putin’s Russia” // *Russian Politics*, vol. 3, no. 2: 151–174.

Schedler A. (2013) *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*. Oxford: Oxford University Press.

Semenov A.V. and V.D.Bederson. (2017) “Organizatsionnye reaktsii rossijskikh NKO na zakonodatel’nye izmenenija 2012 g.” [Organizational Reactions of Russian NGOs to 2012 Legislative Changes] // *Ekonomicheskaja sotsiologija* [Journal of Economic Sociology], vol. 18, no. 2: 11–40. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/03/31/1168535199/ecsoc_t18_n2.pdf (accessed on 12.11.2019). (In Russ.)

Shedov M., N.Smirnova, and T.Glushkova. (2019) *Ogranichenija svobody mirnykh sobranij v tsifrovuju epokhu: Zakonodatel’stvo i praktika pravoprimerenija v Rossii* [Limitations on and Restrictions to the Right to the Freedom of Peaceful Assembly in the Digital Age: Legislative Norms and Enforcement Practices in Russia]. URL: <https://ovdinfo.org/reports/freedom-of-assembly-in-the-digital-age> (accessed on 12.11.2019). (In Russ.)

Smirnova N. (2015) *Politicheskie repressii v Rossii v 2011–2014 godakh: administrativnye presledovanija* [Political Repressions in Russia in 2011–2014: Administrative Prosecution]. URL: <https://reports.ovdinfo.org/2014/adm-report/> (accessed on 12.11.2019). (In Russ.)

Taylor B. (2011) *State Building in Putin’s Russia: Policing and Coercion after Communism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tilly C. (1978) *From Mobilization to Revolution*. Michigan: Addison-Wesley.

Vasilchuk N. (2018) “Navstrechu 28 janvarja: V tridsati regional’nykh shtabakh Naval’nogo proshli obyski” [Towards January 28: Thirty Regional Navalny Headquarters Were Searched] // *Novaya Gazeta*, 26.01. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/01/26/75282-navstrechu-28-yanvary> (accessed on 12.11.2019). (In Russ.)

Volkov L. (2017) *Priglasij Naval’nogo* [Invite Navalny]. (2017) URL: <https://www.leonidvolkov.ru/p/244/> (accessed on 12.11.2019). (In Russ.)

“„Zabastovka izbiratelej“: po strane zaderzhany bolee 350 chelovek, v ikh chisle — Naval’nyj” [“Electoral Strike”: More Than 350 People Were Detained in the Country, Among Them — Navalny]. (2019) // *Novaya Gazeta*, 28.01. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/01/28/75298-zabastovka-izbirateley-28-yanvary>-onlayn (accessed on 12.11.2019). (In Russ.)